

ОБ ОСНОВАНИЯХ ПРИЗНАНИЯ ЛИЦА ПОТЕРПЕВШИМ И ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕР ПО ВОЗМЕЩЕНИЮ ВРЕДА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Обосновывается необходимость расширения оснований признания лица потерпевшим, предусмотрен в ч. 1 ст. 42 УПК РФ возможность признания потерпевшим в случаях подачи заявления о преступлении и возбуждения уголовного дела, но при условии установления факта причинения вреда.

Ключевые слова: Преступление, потерпевший, основания, статус, постановление, ущерб, расходы.

Основываясь на общепризнанных принципах и нормах международного права, предписаниях ст. 2 Конституции РФ о приоритете признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, УПК РФ (далее УПК) в ч. 1 ст. 6 определяет, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. При этом очевидно, что без должной борьбы с преступностью, без раскрытия совершенных преступлений и изобличения преступников невозможно эффективно защищать личность, ее права и свободы, а также интересы общества и государства. В Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 г. отмечается, что Российская Федерация на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность [6].

Потерпевший выступает объектом изучения не только науки уголовного процесса, но и других наук: уголовного права, криминологии, криминалистики, судебной медицины, судебной психиатрии, каждой из которых он интересен в различных отношениях, и сама степень этого интереса существенно различается. Вместе с тем именно в уголовном судопроизводстве потерпевший – ключевая фигура, что и обуславливает обращение авторитетных ученых к изучению его процессуального положения. Несмотря на все богатство научного материала, по-прежнему актуальны проблемы, касающиеся выполняемой потерпевшим уголовно-процессуальной

функции, возмещения ему причиненного преступлением вреда, обеспечения безопасности, получения квалифицированной юридической помощи и др.

Нужно также учитывать, что реальная действительность свидетельствует об отсутствии должного соблюдения требований закона о защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Например, в Южном федеральном округе в 2010 г. материальный ущерб потерпевшим от преступных посягательств по оконченным уголовным делам составил 34.002 млрд. рублей, погибло 3336 человек и 4967 потерпевшим причинен тяжкий вред здоровью [10]. Согласно статистическим сведениям о состоянии преступности за январь-июль 2011 г. в Российской Федерации ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 129.44 млрд. рублей, погибло в результате преступных посягательств 22,4 тыс. человек, а здоровью 27,9 тыс. человек причинен тяжкий вред [11].

Приведенные статистические показатели подчеркивают значимость обеспечения прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Однако в рамках нашего исследования обратимся к анализу фактических и юридических оснований признания лица потерпевшим в уголовном судопроизводстве, во многом определяющих своевременность и полноту реализации этим участником своих процессуальных прав, а также мерах по возмещению вреда, причиненного преступлением.

Фактической основой признания лица потерпевшим служат, как известно, сведения, свидетельствующие о причинении ему вреда преступлением, а юридической – процессуальный

документ, составленный в порядке, определенном УПК. Согласно ст. 42 УПК потерпевшим признается физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации (фактическая основа). Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда (юридическая основа).

Из этого понятия невольно напрашивается вывод, что не всякий пострадавший является потерпевшим, а только тот, кто официально признан таковым постановлением дознавателя, следователя или суда. При этом в законе не определен срок, в течение которого лицо должно признаваться потерпевшим по уголовному делу, и на практике это порой приводит к тому, что такие решения принимаются несвоевременно, на завершающем этапе предварительного расследования, а до этого момента жертва преступления остается фактически бесправной.

О необходимости своевременного надления лица статусом потерпевшего и, как следствие, обеспечения его права на доступ к правосудию, говорят многие ученые, предлагая признавать лицо потерпевшим с момента возбуждения уголовного дела, при установлении факта причинения вреда преступлением.

Так, В.Г. Ульянов считает необходимым внести в процессуальный закон изменения в части признания потерпевшим со стадии возбуждения уголовного дела [12, с. 20]. «По делам о причинении телесных повреждений, о кражах, мошенничестве, разбоях, грабежах, изнасилованиях, — пишет С.В. Юношев, — в подавляющем большинстве случаев имеются вполне определенные сведения о лице, которому причинен вред. Поэтому... в таких случаях решение о признании потерпевшим необходимо принимать одновременно с решением о возбуждении уголовного дела, в одном процессуальном акте» [14, с. 21].

В то же время в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» указывается, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из фактического его положения, и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им.

Названному постановлению Пленума Верховного Суда РФ предшествовал ряд решений Конституционного Суда РФ [7, 8, 9], в которых изложена его правовая позиция относительно приобретения лицом статуса участника уголовного судопроизводства. Конституционный Суд РФ считает, что обеспечение гарантируемых Конституцией РФ прав и свобод человека и гражданина обусловлено не формальным признанием лица тем или иным участником производства по уголовному делу, в частности, потерпевшим, а наличием определенных существенных признаков, характеризующих фактическое положение этого лица как нуждающегося в обеспечении соответствующих прав.

Позиция Конституционного Суда РФ основывается на толковании ст. 18 (наряду с другими) Конституции РФ, которая гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими». Принцип непосредственного действия конституционных прав и свобод предполагает, что многие из них для беспрепятственной реализации нуждаются в конкретизации отраслевым, в том числе уголовно-процессуальным законодательством, в разработке правил и процедур, упорядочивающих их осуществление, соблюдение и защиту.

Получается, что фактически правовой статус потерпевшего приобретает при наличии вреда, причиненного преступлением, а формально-юридическим основанием (согласно предписаниям ч. 1 ст. 42 УПК) признания лица потерпевшим служит постановление.

Следует также иметь в виду, что термин «потерпевший» используется в тексте уголовно-процессуального закона не всегда в том смысле, который придается ему ст. 42 УПК. Так, согласно ч. 1 ст. 6 УПК (к анализу которой мы уже обращались) уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, *потерпевших* от преступлений. Из указанной формулировки закона не ясно, признаны ли эти лица и организации официально (юридически) потерпевшими. Представляется, что с учетом основополагающего значения ст. 6 УПК для всех уголовно-процессуальных институтов словосочетание «лица и организации, потерпевшие от преступлений» употребляется законодателем в более широком смысле, чем в ст. 42 УПК.

В п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК сформулировано одно из оснований задержания лица по подозрению в совершении преступления – «когда *потерпевшие* или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление». Действительно, потерпевший в ходе его допроса, проведения очной ставки, предъявления для опознания может указать на заподозренное лицо, если лично наблюдал обстоятельства совершения преступления. Но вполне возможна ситуация, когда на лицо, совершившее преступление, будет указано уже в заявлении, сделанном в порядке ст. 141 УПК, т. е. до момента официального признания потерпевшим.

Термин «потерпевший» используется и при процессуальной регламентации уголовных дел частного и частно-публичного обвинения. В ч. 2 ст. 20 УПК отмечается, что уголовные дела частного обвинения, возбуждаются не иначе как по заявлению *потерпевшего*; в ч. 3 ст. 20 УПК применительно к уголовным делам частно-публичного обвинения используется та же формулировка – не иначе как по заявлению *потерпевшего*; в ч. 4 ст. 20 УПК предусматривается возможность возбуждения уголовного дела частного и частно-публичного обвинения при отсутствии заявления *потерпевшего*; в ч. 6 ст. 144 УПК указывается, что заявление *потерпевшего* или его законного представителя по уголовным делам частного обвинения подается в суд. Кроме того, термин «потерпевший» используется в чч. 2–4 ст. 147 УПК при характеристике порядка возбуждения уголовного дела частного и частно-публичного обвинения.

Столь многочисленные указания в законе на то, что по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения заявление подается потерпевшим, дают основание для вывода: потерпевшим лицо становится при подаче заявления, т. е. с момента фактического установления вреда, причиненного преступлением. Вместе с тем по уголовным делам публичного обвинения (которых большинство) к лицу, подающему заявление о преступлении, применяется термин «заявитель» (ст. 141, ч. 4 ст. 144, ч. 2 ст. 145, ч. 4 ст. 146 УПК).

Неоднозначный подход законодателя к определению момента приобретения лицом статуса потерпевшего, в конечном счете, не способствует обеспечению прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступления, ограни-

чивает реализацию конституционного права граждан на доступ к правосудию. Однако согласно ст. 52 Конституции РФ права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Более того, в ч. 1 ст. 45 Конституции РФ закреплена обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, создавать условия для их реализации и механизмы защиты. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 27 июня 2005 г. № 7-П подчеркивается, что защита прав потерпевших предполагает не только предотвращение и пресечение преступлений, но и обеспечение пострадавшему от преступления возможности отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами [2].

Обобщая все изложенное, можно сделать вывод, что закрепленное в ст. 42 УПК понятие потерпевшего, когда юридическим основанием оформления его статуса служит постановление дознавателя, следователя или суда, не позволяет этому лицу в полной мере и своевременно реализовать конституционное право отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами на этапе уголовного судопроизводства, максимально приближенном к моменту совершения преступления.

В то же время процессуальный противник потерпевшего – подозреваемый приобретает свой статус (при установлении факта его причастности к преступлению) в четырех случаях, указанных в ст. 46 УПК, каждый из которых служит самостоятельным юридическим основанием для приобретения им совокупности прав и обязанностей. В частности, подозреваемым может признаваться лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело, с реальным обретением возможности воспользоваться своими правами.

«Однако не ясно, – отмечает А. Гриненко, – почему отсутствует аналогичная процедура в отношении физического лица, которому в результате преступления причинен физический, имущественный, моральный вред, а также в отношении юридического лица в случае причинения вреда его имуществу и деловой репутации. Не требуется никаких теоретических построений, чтобы признать целесообразность и спра-

ведливость нормы, в соответствии с которой лицо должно признаваться потерпевшим уже с момента возбуждения уголовного дела, если в постановлении содержится указание на причинение ему того либо иного вреда» [3, с. 51].

В связи с этим считаем, что постановление дознавателя, следователя и суда не может служить единственным юридическим основанием признания лица, пострадавшего от преступления, потерпевшим, поскольку не обеспечивает его процессуальные права от момента подачи заявления в стадии возбуждения уголовного дела до вынесения постановления о признании потерпевшим в стадии предварительного расследования.

В то же время вызывает возражение предложение И.В. Жеребятьева вообще «отказаться от юридического основания признания лица потерпевшим от преступления, т. е. не выносить постановление... В таком случае лицу надо будет лишь подать заявление о своих притязаниях на любом этапе досудебного разбирательства по делу или до начала судебного следствия в суде первой инстанции» [4, с. 13].

Представляется, что наряду с уже имеющимся юридическим основанием признания лица потерпевшим следует предусмотреть еще два: 1) при подаче заявления о преступлении; 2) при возбуждении уголовного дела, а дополнительным условием для их применения считать установление факта причинения вреда преступлением. В случае расширения и конкретизации юридических оснований признания лица потерпевшим необходимо второе предложение ч. 1 ст. 42 УПК исключить и заменить следующим: «Потерпевшим признается лицо, подавшее заявление о преступлении, или в случае возбуждения уголовного дела, когда установлен факт причинения вреда преступлением, либо с момента оформления постановления дознавателя, следователя или суда».

А теперь перейдем к вопросу возмещения потерпевшему ущерба, причиненного преступным посягательством.

Проблема возмещения ущерба, причиненного преступлением, обсуждалась еще на V Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями (Женева, 1-12, сентября 1975 г.), где отмечалось, что символическое возмещение вреда вряд ли сможет хотя бы частично компенсировать боль и стра-

дания, перенесенные потерпевшими и их семьями. Нам при этом следует учитывать, что, по данным статистики ежегодно каждый десятый житель России становится жертвой того или иного преступления [5].

Столь значительное число лиц, относимых к категории «жертва преступления», делает весьма актуальным вопрос о том, насколько защищено их право компенсации ущерба, причиненного преступлением. При этом следует учитывать, что из присужденных судами сумм ущерба реально взыскивается не более одной трети. Кроме того, потерпевший не может рассчитывать на возмещение вреда, причиненного преступлением, в случае, если преступник не установлен или установлен, но скрывается от следствия и соответственно не может быть привлечен к уголовной ответственности.

Наряду с этим, как справедливо отмечает В.А. Азаров, законодатель традиционно сознательно и существенно ограничивает спектр видов возмещения, замыкаясь исключительно на вреде, причиненном непосредственно преступлением, оставляя «за бортом» уголовно-процессуальной регламентации регрессные и другие сопутствующие и опосредованно вытекающие из факта совершения преступления иски [1, с. 85]. В то же время в ст. 4 Европейской Конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 г.) предусматривается государственная компенсация (если преступник не установлен или не может быть наказан), которая должна покрывать, в зависимости от случая, по крайней мере, следующие части ущерба: потерю заработка, затраты на лекарства и госпитализацию, затраты на похороны и в случаях, касающихся иждивенцев, – их содержание.

Одной из главных причин столь неудовлетворительного решения вопроса о возмещении вреда, причиненного потерпевшему преступлением, является несовершенство уголовно-процессуального закона. В частности, законодатель не ставит перед органами уголовного преследования задачу принятия мер по обеспечению гражданских исков. Анализ ст. 21 и 73 УПК позволяет сделать вывод, что органы уголовного преследования обязаны установить лишь характер и размер вреда, причиненного преступлением, что не способствует защите права на его возмещение. Решение проблемы ви-

дится в возложении на органы уголовного преследования обязанности принимать соответствующие меры путем дополнения ч. 2 ст. 21 УПК словами «а также по возмещению вреда, причиненного преступлением».

Законность и обоснованность уголовного преследования обеспечиваются не только за счет личной ответственности дознавателя и следователя, но и наличия действенного механизма процессуального руководства их деятельностью. Данную функцию закон возлагает на начальника подразделения дознания и руководителя следственного органа, наделяя их для этого определенной совокупностью прав и обязанностей, в числе которых почему-то не выделено правомочие процессуального (ведомственного) контроля за своевременностью принятия дознавателем, следователем мер по возмещению вреда, причиненного преступлением. Изменить ситуацию поможет дополнение п. 3 ч. 1 ст. 39 и п. 2 ч. 3 ст. 40.1 УПК словами «о принятии мер к возмещению вреда, причиненного преступлением».

Необходимо также модифицировать критерии оценки деятельности органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, предусмотрев в системе статистической отчетности в качестве одного из основных показателей эффективности их деятельности своевременность и полноту обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением. Пока же статистическая карточка о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности (форма 4), составляемая в соответствии с требованиями межведомственного приказа от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений», отражает лишь итог предварительного расследования в виде добровольно погашенного ущерба, арестованного и изъятых имущества. Однако в ней отсутствуют показатели о своевременности и полноте мер, принятых к возмещению вреда, причиненного преступлением.

В решении Совета Европейского союза от 15 марта 2001 г. «О месте жертв преступлений в уголовном судопроизводстве» имеются ст. 6

и 8, наделяющие жертв преступлений правом на защиту и бесплатную юридическую консультацию. Анализ российского уголовно-процессуального закона показывает, что у нас право получения бесплатной квалифицированной юридической помощи потерпевшим продекларировано в ч. 3 ст. 42 УПК, где предусматривается возможность возмещения потерпевшему расходов на представителя. Однако в ст. 131 УПК эти процессуальные издержки прямо не указаны, что делает предписания ч. 3 ст. 42 УПК в этой части нереализуемыми, поскольку они не обеспечивают возможность получения потерпевшим квалифицированной юридической помощи бесплатно, в отличие, кстати сказать, от обвиняемого.

Для исключения декларативности предписаний ч. 3 ст. 42 УПК необходимо дополнить ч. 2 ст. 131 УПК новым пунктом четвертым: «4) суммы возмещения потерпевшему расходов на представителя» (пункты четвертый – девятый считать соответственно пунктами пятым – десятым).

Возмещение вреда в полном объеме невозможно без компенсации морального вреда. Между тем полная имущественная компенсация морального вреда остается пока редкостью для российского уголовного судопроизводства, так как вопрос о размере этой компенсации является одним из самых сложных. В литературе высказано мнение о том, что должны существовать писанные, единые для всех судов базовые уровни размера компенсации и методики определения ее окончательного размера. Тогда суд сможет определить размер компенсации так, как предписывает закон, т. е. с учетом требований разумности и справедливости [13, с. 7]. Однако ни законодатель, ни Верховный Суд РФ до сих пор этих критериев не установил. Очевидно, что требуется безотлагательно разработать и закрепить в российском законодательстве методики определения стоимости человеческой жизни и исчисления морального вреда для расчетов сумм компенсаций потерпевшим от преступлений.

16.01.2012

Список литературы:

1. Азаров В.А. УПК РФ о защите имущественных интересов потерпевших от преступлений: официальный проект и действующая редакция // Вопросы правовой теории и практики: Межвуз. сб. науч. тр. Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2004.
2. Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 4.

3. Гриненко А. Потерпевший должен иметь не меньше процессуальных прав, чем обвиняемый // Российская юстиция. 2002. № 9.
4. Жеребятьев И.В. Процессуально-правовое положение личности потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2004.
5. Проблемы защиты прав потерпевших от преступлений: спец. док. Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Рос. газ. 2008. 4 июня.
6. Российская газета. 2009. 19 мая.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова // Российская газета. 2000. 4 июля.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 131-0 по запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // СЗ РФ. 2005. № 24. Ст. 2424.
9. Определение Конституционного Суда РФ от 22 января 2004 г. по жалобе гражданки Л.М. Семеновой на нарушение ее конституционных прав частью четвертой статьи 354 УПК Российской Федерации // СПС «КонсультантПлюс».
10. Состояние преступности в Южном федеральном округе за январь–декабрь 2010 г.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ // СПС «КонсультантПлюс».
11. Состояние преступности за январь–июль 2011 г.: Главный информационно-аналитический центр МВД РФ // СПС «КонсультантПлюс».
12. Ульянов В.Г. Реализация прав потерпевших в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998.
13. Эрделевский А.М. Критерии и метод оценки размера компенсации морального вреда // Государство и право. 1997. № 4.
14. Юношев С.В. Укрепление правового статуса потерпевшего и его представителя // Российская юстиция. 1998. № 11.

Сведения об авторе: **Семенцов В.А.**, профессор кафедры уголовного процесса Кубанского государственного университета, доктор юридических наук, профессор
e-mail – crimpro@yandex.ru